

Ресоциализация осужденных представляет собой межотраслевой правовой институт, который активно изучается в юридической литературе [1–3]. Законодатель закрепил в некоторых случаях единый подход к его содержанию, изложенный в ст. 5 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» и ст. 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», когда для успешной реинтеграции в общество бывших осужденных, находившихся в условиях изоляции от общества, необходимо применять соответствующий комплекс мер со стороны субъектов профилактики правонарушений. Налицо профилактический потенциал данного правового института, для реализации которого наряду с помощью освобожденным лицам необходимо осуществлять контроль за их поведением, иметь законодательно предусмотренные рычаги воздействия на них и пр.

В то же время термин «ресоциализация» не используется во многих других нормативных правовых актах, в той или иной степени ориентированных на предупреждение преступлений и иных правонарушений: в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ), Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и др. Получается, что как будто рассматриваемый правовой институт не имеет значения при назначении и исполнении наказания, досрочном освобождении от его отбывания, на любых стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию исполнения приговора, при предупреждении административных и других нарушений и т. п. Это свидетельствует об отсутствии в законодательстве единого подхода к ресоциализации осужденных, несмотря на то что на практике этим занимаются как соответствующие государственные органы (учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (УИС), региональные власти и др.), так и негосударственные организации (например, религиозные или волонтерские).

В юридической литературе данный правовой институт рассматривается в узком и широком смысле. Так, если в узком смысле ресоциализация – это процесс адаптации (привыкания) освобожденных лиц к правопослушной жизни в обществе, трудового и бытового устройства, восстановления утраченных социальных связей, в том числе в контексте их исправления, после нахождения в условиях изоляции [4–6], то широкий смысл подразумевает также профилактическое значение ресоциализации в контексте предупреждения преступлений и иных правонарушений [7–9, с. 317–319; 10, с. 17–21].

Рассматривая институт ресоциализации в широком смысле (здесь и далее), нельзя не отметить важнейшее значение Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», целями которого являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений (ч. 1 ст. 4) [11, с. 80–90; 12, с. 230–236]. В этом случае ресоциализация лиц, в отношении которых применяется пробация, как и предупреждение совершения ими новых преступлений, прямо взаимосвязаны и вряд ли могут рассматриваться отдельно друг от друга.

Представляется, что Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», выступивший в роли модельного закона, создающий общую систему пробации как совокупности мер, направленных на оказание помощи лицам, отбывающим (отбывшим) уголовные наказания и оказавшимся в трудной жизненной ситуации [13, с. 12–13], в части регулирования ресоциализации привел к некоему общему знаменателю и образовал общую основу для многочисленных аспектов реализации данного института как на федеральном, так и на региональном уровне (с учетом их специфики [14, с. 122–131]). Так, на региональном уровне в ряде субъектов РФ (Ленинградской, Тамбовской областях, Республике Башкортостан и др.) уже были приняты соответствующие акты, в той или иной степени имеющие отношение к рассматриваемому правовому институту. Указанные и иные документы и (или) региональная практика ресоциализации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (ИУ), в той или иной степени будут в ближайшее время корректироваться с учетом положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Между тем институт ресоциализации можно разделить, по крайней мере, на два этапа [15, с. 190; 16] (их названия условные): подготовительный (в период отбывания наказания в виде лишения свободы) и окончательный (после освобождения из условий изоляции). Это требует внимания к вопросам принятия решения об освобождении осужденных из ИУ, их подготовке к этому, а также к организационно-правовым аспектам постпенитенциарной помощи и контроля за поведением этих лиц. В то же время любые взаимоотношения между субъектами должны содержать взаимные права и обязанности, которые теоретически должны корреспондировать друг другу.

Наличие взаимных прав и обязанностей на этапах ресоциализации требуется и между соответствующими субъектами ресоциализации и лицами, в отношении которых применяются так называемые ресоциализирующие мероприятия (которые частично совпадают, но не тождественны пробационным мероприятиям). При этом постпенитенциарный контроль и помощь лицам, освобожденным из ИУ, как составная часть предмета уголовно-

исполнительного права [17, с. 91–96; 18, с. 31–33] также должны включать в себя взаимный набор прав и обязанностей учреждений и органов, исполняющих наказания, иных государственных органов, включая субъектов probation, религиозных и иных общественных организаций, осужденных, их родственников и других лиц.

Между тем в теории уголовно-исполнительного права и законодательстве в целом преобладает другой подход, когда у лиц, в отношении которых осуществляются ресоциализирующие мероприятия, в основном имеются лишь права, а у субъектов ресоциализации – преимущественно обязанности. Подобный перекося правовой ситуации у разных участников ресоциализации может способствовать формированию у лиц, в отношении которых она применяется, ощущение некоего иждивенческого отношения к соответствующим государственным и негосударственным субъектам, что вряд ли будет способствовать формированию у них правопослушного поведения, а также эффективному достижению как целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), так и целей probation в виде коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждения совершения ими новых преступлений (ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). В этом контексте представляется, что у лиц, в отношении которых применяются ресоциализирующие мероприятия, должны быть обязанности по соблюдению не только законодательства в целом, но и соответствующих правил в рамках ресоциализации. Логично ввести в отношении них ответственность, например, в виде снижения объема оказываемой помощи, усиления контроля за их поведением, вплоть до прекращения проведения ресоциализирующих мероприятий. Особенно актуальным данный подход является при досрочном освобождении от отбывания наказания, ведь такое решение принимается государственным органом: судом, Президентом РФ при помиловании осужденного или Государственной Думой РФ при издании акта об амнистии (далее нами будут рассматриваться виды досрочного освобождения, разрешаемые судом, в первую очередь условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания в связи с тяжелой болезнью осужденного или замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания). Подразумевается, что при принятии такого решения суд должен учитывать возможность (не) достижения целей уголовно-исполнительного законодательства, включая прогноз постепенного поведения лица, необходимости оказания ему соответствующей помощи и вероятного совершения нового преступления или иного правонарушения. Рассмотрим эти

вопросы более подробно.

При условно-досрочном освобождении от отбывания наказания основным является вопрос об оценке исправления лица, что закреплено в ст. 79 УК РФ. При этом законодатель сразу акцентирует внимание суда на прогнозе его поведения после отбытия наказания, но критерии принятия решения об этом виде досрочного освобождения имеют отношение только ко времени отбывания наказания, то есть периоду, предшествующему судебному заседанию. Так, по ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (исправление наступит позднее, после его освобождения из учреждения), а в соответствии с ч. 1, 2, 4.1 ст. 79 УК РФ к критериям принятия данного решения отнесены: поведение осужденного; его отношение к учебе и труду, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания; отношение к совершенному деянию (хотя в ч. 1 ст. 175 УИК РФ говорится о раскаянии в совершенном деянии); возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением; фактическое отбытие осужденным определенной части срока наказания; применение принудительных мер медицинского характера и отношение к лечению (в отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста) и пр.

В указанных нормах, регулирующих институт условно-досрочного освобождения, ничего не говорится по поводу условий осуществления постпенитенциарной помощи или контроля за поведением освобожденного лица, за исключением упоминания в ч. 6 ст. 79 УК РФ о том, что контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом. Такая задача, согласно ст. 3 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний (утверждено указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314), возложена на ФСИН России, которая осуществляет контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания.

На практике судьи в ряде случаев при принятии решения об условно-досрочном освобождении осужденного требуют справки или иные документы, касающиеся постпенитенциарных вопросов: предоставления ему жилья у родственников или наличия такового в собственности, возможности легального трудоустройства и т. п. Между тем вызывает недоумение попустительское отношение законодателя к оценке последующего поведения такого лица. Тем более это очевидно, когда суд не обязан отменить условно-досрочное

освобождение по ч. 7 ст. 79 УК РФ, если даже в течение оставшейся неотбытой части наказания лицо совершит преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, а также нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, или злостно уклонится от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера. Получается, что, несмотря на отсутствие в постпенитенциарный период доказательств исправления лица (как это изначально предусмотрено в ч. 1 ст. 79 УК РФ), даже совершение преступления не является безусловным основанием для отмены его условно-досрочного освобождения. Это не только снижает профилактическое значение института условно-досрочного освобождения, но и может приводить к безответственному отношению лиц к своему постпенитенциарному поведению и в целом к их безнаказанности.

Сложно говорить о наличии надлежащей организационно-правовой основы взаимоотношений соответствующих субъектов с набором взаимных прав и обязанностей с условно-досрочно освобожденным лицом, в том числе в контексте его ресоциализации. Получается, что в законодательстве и на практике отсутствуют надлежащие механизмы, ориентирующие освобожденное указанным образом лицо вести себя правопослушно. При этом уголовно-исполнительным инспекциям и иным государственным органам в той или иной степени вменено в обязанность осуществлять постпенитенциарный контроль и поддержку таких лиц, которые фактически могут ощущать свою вседозволенность из-за имеющихся недостатков законодательства. В случае, когда государственным органам сложно соответствующим образом действовать в отношении условно-досрочно освобожденных лиц (даже под угрозой возвращения в ИУ), ситуация с лицами, освобожденными по окончании срока наказания, объективно будет еще более сложная.

Несколько иное положение имеет место в отношении замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, хотя критерии принятия решения об этом виде досрочного освобождения имеют отношение только ко времени отбывания наказания, то есть периоду, предшествующему судебному заседанию, и в целом по ст. 80 УК РФ аналогичны условно-досрочному освобождению. В то же время замена неотбытой части наказания более мягким также фактически осуществляется без оценки степени исправления осужденного, и вопросы постпенитенциарного контроля зависят от того, какой вид наказания после замены лишения свободы в итоге он будет отбывать. В этом случае уголовно-исполнительные инспекции в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (УИК РФ, приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258

«Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» и пр.) будут контролировать поведение осужденного с учетом условий исполнения и отбывания соответствующего наказания (например, обязательных или исправительных работ), а также правоограничений, имеющих у последних. Очевидно, что в целом инспекции ориентированы уголовно-исполнительным законодательством на осуществление контроля за поведением осужденных, а не помощи в их ресоциализации.

Кардинально иная ситуация с освобождением от отбывания лишения свободы в связи с болезнью осужденного по ч. 1, 2 ст. 81 УК РФ. Суд при принятии указанного решения не учитывает ни степень исправления осужденных, ни потенциальную возможность совершения этим лицом нового преступления после своего освобождения, опираясь только на сведения о его здоровье (что критикуется исследователями [19, с. 269–270; 20, с. 53–57; 21, с. 104–108]). Безусловно, суд не учитывает многочисленные постпенитенциарные вопросы, не оценивает возможность успешной ресоциализации таких лиц после их освобождения из ИУ (хотя в юридической литературе также приводятся примеры о необходимости получения согласия близких лиц или родственников на уход за тяжелобольным осужденным [22, с. 5–9; 23, с. 192–197]). Кроме того, возникает парадоксальная ситуация – при установлении у осужденного тяжелого психического расстройства по ч. 1 ст. 81 УК РФ суд должен его освободить от отбывания наказания без обязанности наложения постпенитенциарного контроля и помощи (имеется лишь право суда назначить ему принудительные меры медицинского характера). Получается, что такое лицо может остаться фактически полностью бесконтрольным, не говоря уже об оказании ему помощи в ресоциализации. Это является особенно странным с учетом того, что именно из-за наличия тяжелого психического расстройства лица нередко совершают преступления [24–27, с. 68], а в дальнейшем оно становится и основанием для их освобождения от наказания.

Если осужденный освобождается от отбывания лишения свободы по ч. 2 ст. 81 УК РФ, то есть имея тяжелое соматическое или иное заболевание, то суд даже не вправе назначить какую-либо меру контроля за его поведением, не говоря о каких-либо других постпенитенциарных вопросах. При этом по ч. 4 ст. 81 УК РФ тяжелобольные лица, освобожденные из ИУ, в случае выздоровления могут подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли соответствующие сроки давности.

Очевидно, что правонарушающее или правопослушное поведение освобожденного лица, имеющего тяжелое психическое или иное заболевание, не является основанием ни для его возвращения в ИУ, ни для оказания всесторонней помощи в его ресоциализации, в том числе путем медицинской или иной помощи. Налицо кардинально иной подход к оценке постпенитенциарного поведения лиц, освобожденных от наказания в связи с тяжелой болезнью по ст. 81 УК РФ, нежели закрепленный в ст. 79 УК РФ относительно условно-досрочно освобожденных. Между тем отсутствие оценки постпенитенциарного поведения (включая преступное или иное правонарушающее) лица, имеющего тяжелое заболевание, представляется ошибочным, в том числе в контексте его ресоциализации. Кроме того, в ч. 4 ст. 81 УК РФ создана ситуация, когда освобожденному лицу невыгодно становиться на учет, улучшать состояние своего здоровья и иным образом заниматься своей ресоциализацией, так как это «грозит» ему возвращением в ИУ для продолжения отбывания наказания. Фактически лицу предпочтительнее вести правонарушающий образ жизни, не заниматься состоянием своего здоровья, что требует кардинального пересмотра и существенной корректировки законодательства.

Таким образом, очевидно, что даже при участии суда, принимающего решение о досрочном освобождении осужденного от отбывания лишения свободы (условно-досрочном освобождении, освобождении от наказания в связи с тяжелой болезнью осужденного или замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания), недостаточно принимаются во внимание постпенитенциарные вопросы, в том числе (не)возможность успешной ресоциализации лица после освобождения из ИУ (на практике имеют место случаи, когда такое лицо умирает, не дождавшись решения суда или своего освобождения [28, с. 52–54; 29, с. 94–99]). В первую очередь это является следствием отсутствия надлежащего уголовно-правового и иного регулирования постпенитенциарных вопросов, возникающих после применения этих видов досрочного освобождения.

В УИК РФ имеет место несколько иная ситуация, когда в различных положениях говорится о необходимости предупреждения совершения новых преступлений (ст. 1, 17.1 и др.), в том числе при отбывании принудительных работ и лишения свободы (ст. 18, 60.19, 78, 83–85 и пр.), иных наказаний (например, ст. 60), а также при подготовке к освобождению из учреждений УИС и в ходе постпенитенциарных аспектов (в частности, ст. 173.1, 180). Однако более сложная картина в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», где о предупреждении совершения новых преступлений говорится лишь в ст. 4, хотя более акцентированно об этом говорится в соответствующих подзаконных актах в сфере пробации:

- в приказе Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, соци-альной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применя-ется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ
«О пробации в Российской Федерации» (например, в п. 69 приложения № 1 в контексте проведения воспитательной работы с лицами, в отношении которых применяется ис-полнительная или постпенитенциарная пробация);
- приказе ФСИН России от 30 октября 2023 г. № 708 «Об утверждении Порядка ве-дения статистического учета в сфере пробации» (в частности, в приложении № 1 при прекращении применения пробации) и т. д.

Рассмотренные теоретико-правовые вопросы требуют продолжения разработки кон-цептуального подхода в области ресоциализации осужденных.